

А. Н. Муравьев

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ДУХА В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

В статье рассмотрено взаимоотношение между историей философии и историей образования, каким оно выступает в истории мировой и российской культуры. Из анализа всеобщей истории образования духа и изменения реального значения слова *модернизация* в русском языке за последние двести лет делается вывод, что современный этап истории российского образования требует не продолжения его модернизации, а прекращения последней и создания на философской основе настоящей системы образования. Автор статьи доказывает, что такой основой может быть только логическое содержание классической философской мысли. Усвоению и дальнейшему развитию этого содержания после Гегеля призвана содействовать история философии как философская наука, доказывающая, что в своей действительности история философии есть единый процесс исторического развития разумного способа мышления, который несёт в себе из прошлого в будущее познание истины — настоящую, т. е. вечно современную логическую философию. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: история философии, история образования, модернизация образования.

A. N. Muravyov

HISTORY OF PHILOSOPHY AND EDUCATION OF SPIRIT IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE

The article regards relations between history of philosophy and history of education as it appears in the history of world and Russian culture. The analysis of general history of education of the spirit and the analysis of the evolution of the word *modernization* in Russian gives us the opportunity to make a conclusion that modern stage of the Russian educational history demands not to continue its modernization but to stop it and to construct genuine system of education on the philosophical basis. The author asserts that only logical content of classical philosophical thought could become such a basis. History of philosophy as philosophical science which proves that history of philosophy is indivisible process of the historical development of the rational thought should promote the further development of this content. Refs 7.

Keywords: history of philosophy, history of education, modernization of education.

Даже при обзорном знакомстве с философской литературой среди множества авторов нельзя не заметить исполинские пограничные фигуры Платона и Гегеля. От трудов мыслителей, философствовавших до Платона, история сохранила лишь фрагменты и свидетельства. То, что не без претензии называется сегодня современной, или неклассической, философией, представляет собой гораздо более обширный, но, по сути, не менее фрагментарный материал. Это, как правило, либо сборники отдельных статей, эссе и интервью, либо академические курсы лекций, переработанные авторами в монографии, либо не опубликованные ими самими рукописи. Таковы, к примеру, «Философия мифологии и откровения» первого инициатора современной философии Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга, «Или — или: Фрагменты жизни» и «Философские крохи» ее второго инициатора Сёрена Кьеркегора, а также «Курс позитивной философии» Огюста Конта, «Воля к власти» Фридриха

Муравьев Андрей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; muravyovan@yandex.ru

Muravyov Andrey N. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; muravyovan@yandex.ru

Ницше, «Картезианские размышления» и «Кризис европейских наук» Эдмунда Гуссерля, «Бытие и время» Мартина Хайдеггера и абсолютное большинство других работ, вышедших после Гегеля.

Кроме того, нельзя не заметить, что учения Платона и Гегеля по своему характеру и назначению противоположны друг другу. Тщательно написанные диалоги Платона предваряют, судя по всему, его неписаное учение о благе и вместе с тем составляют весьма живописный вход, прекрасное введение в писаную историю философии. Система же Гегеля, конспективное изложение которой под названием «Энциклопедия философских наук в кратком очерке» так и осталось, несмотря на две авторские переработки, учебным пособием для студентов, есть, напротив, исход истории философии в логическую философию, представленную пока только «Наукой логики» — единственным произведением Гегеля, написанным им, как говорят немцы, *für Ewigkeit*, т. е. для вечности¹. Остальные писались им или для самого себя, как ранние работы, или для себя и для публики, как «Различие фихтевской и шеллинговской систем философии», «Вера и знание, или рефлексивная философия субъективности в полноте её форм как философия Канта, Якоби и Фихте», «Феноменология духа», «Энциклопедия философских наук» и «Философия права», или только для публики, как вся гегелевская публицистика. Лекции по философии истории, философии искусства, философии религии и истории философии, которые составляют едва ли не большую часть современных собраний сочинений Гегеля, из-за своей популярной, исторической формы вовсе не предназначались им для печати. В конце предисловия ко второму изданию «Науки логики» Гегель вспоминает усердную работу Платона над книгами «Государства» и утверждает, что в новое время углубление принципа, возросшие тяжесть предмета и объём материала философской науки требуют от философа уже не семикратной переработки текста, как от Платона, а семидесятикратной [2, с. 32]. Этот тезис заслуживает особого внимания, ибо такова степень, которой может быть интенсивно выражено историческое развитие философии от Платона до Гегеля, позволившее последнему написать о том, что Платон ещё не считал возможным сообщать письменным способом. Недаром одной из проблем, постоянно занимавших Платона, была проблема различия устной и письменной форм изложения философского содержания, а перед Гегелем эта проблема уже не стоит. Между Платоном и Гегелем простирается, таким образом, вся история классической философской мысли в её аутентичном виде, за исключением закономерного рецидива доплатоновского состояния наследия таких мыслителей, как Пиррон, греческие стоики, Эпикур и Аммоний Саккас. Эта история экстенсивно длилась две тысячи триста лет, т. е. почти на три века дольше, чем история современного человечества, исчисляемая от Рождества Христова.

Надо признать, что человечество до сих пор заметно отстаёт от своих гениев, великих философов. Поэтому и встаёт ныне вопрос: как относиться к классической философии нам — тем, кто живёт в начале третьего тысячелетия христианства, основоположник которого провозгласил её главное дело, познание истины, единствен-

¹ «Система Гегеля была последней исторической формой развития философии, — характеризует место гегелевской системы в развитии философии Е. С. Линьков. — Она заключает в себе всю предшествующую философию, снимает историческую форму в логической форме развития философии и благодаря этому указывает различие предмета философии и предмета положительных наук» [1, с. 5].

ным источником действительной свободы людей? Отбросить эту философию как нечто совсем прошедшее и потому ненужное, предоставив эрудированным археологам мысли копаться в деталях, интересных только им одним? Вырвать из истории философии какое-то милое нашему уму и сердцу учение, догматически объявив его истинной философией, а остальные учения — только подступами к нему и отступлениями от раз и навсегда найденной истины? Или посчитать, что все серьёзные философские идеи уже высказаны, а наш удел — лишь играть в философию на скептический постмодернистский манер, вчитывая в классические философские тексты себя со всеми своими комплексами и идиосинкразиями? Хотя названные подходы преобладают сегодня в России и за её рубежами, ни один из них не идёт дальше *поверхности* историко-философского процесса — той *видимости*, что история философии есть лишь случайная последовательность многих учений, допускающих произвольные реконструкции или деконструкции. Конечно, сама эта видимость не случайна. Она вызвана тем, что явление и сущность истории философии непосредственно не совпадают. Однако для того и существует история философии как философская наука, чтобы не принимать указанную видимость за действительность. Точно так же, как астрономическая наука раскрывает видимость вращения Солнца вокруг Земли, хотя и не рассеивает её, историко-философская наука доказывает, что в своей действительности история философии есть единый процесс исторического развития философии как таковой, который несёт в себе из прошлого в будущее познание истины — настоящую, т. е. вечно современную логическую философию (см. об этом: [3]).

Если смотреть на историю мировой культуры не сугубо историческим взглядом, а принять во внимание логический результат истории философии, то можно увидеть, что различные способы бытия духа не только образуют, по выражению Делёза, *ризому*, т. е. некий запутанный клубок корней различных духовных явлений, но и в определённом порядке доминируют в целом культуры, по очереди определяя целые эпохи её исторического развития. В своей философии духа, которая до наших дней остаётся, пожалуй, наиболее разработанной по форме и содержанию философией культуры, Гегелю удалось, помимо прочего, открыть основание смены различных эпох всеобщей истории образования. Это открытие состоит в следующем: поскольку абсолютный дух есть истина субъективного и объективного духа, завершающегося мировой историей, постольку способы абсолютности духа, т. е. искусство, религия откровения и философия, выступая друг за другом именно в такой последовательности, составляют субстанциальное основание всемирно-исторического процесса образования человечества. Искусство пронизывает и определяет всю древнюю, античную эпоху истории всеобщей культуры. В своём символическом виде оно формирует духи народов Востока (китайцев, индусов, египтян и персов), а у греков впервые обретает классическую форму, с некоторыми изменениями сохранившую римлянами. Религия откровения в лице христианства определяет новую эпоху исторического развития человечности людей, называемую теперь эпохой модерна. Её представляют духи романо-германских народов — итальянцев, испанцев, французов, англосаксов и немцев. После модерна наступает третья, новейшая эпоха истории мировой культуры, которая требует положить в основание системы образования духа философию, возникшую в её первую эпоху и достигшую логической зрелости во вторую. Гегелевское открытие позволяет понять, почему мир уже

более века переживает это весьма рискованное время конца религиозной и начала философской эпохи в истории формирования человечности — время отрицательной свободы, когда над решением задачи своего национального самоопределения, достижимого, как показал Фихте в «Речах к немецкой нации», только путём воспитания под руководством философии как науки (см. об этом: [4]), самоотверженно трудится русский народ. В этом отношении мы находимся отнюдь не на периферии, а в самом центре мирового исторического процесса, который располагает энергией, превосходящей силу любых вооружений. Не случайно, стало быть, Андрей Платонов первоначально назвал свою написанную весной 1927 г. повесть о сокровенном русском человеке «Страна философов». Идея повести состоит, разумеется, не в том, что граждане революционной России, забросив все другие дела, займутся одной философией, а в том, что они более или менее осознанно испытывают потребность в ней как единой основе образования своего духа. Писатель понял: люди чувствуют эту нужду потому, что им необходимо сообща заново выстроить свою жизнь на разумных началах, которые издавна постигались именно философией, отчего и были приняты за общественный идеал первыми христианами, вслед за Христом выступившими против частной формы присвоения богатства во имя сохранения и развития духовного содержания человеческой жизни.

После того как деятели российской философской культуры в своём большинстве справедливо отказались от марксистско-ленинской философии, догматически насаждавшейся у нас в советскую эпоху в качестве единственно истинной, перед нашим народом снова встала проблема отыскания настоящей философии как основы своего действительно современного образования. Как бы ни хотелось этого кому бы то ни было, русский дух в настоящее время не может просто вернуться в прошлое — в допетровские времена *умозрения в красках*, по определению Е. Н. Трубецкого, т. е. к чреватому философией религиозному воспитанию, опирающемуся на изобразительное искусство. Дополнять же столь возвышенный способ воспитания, уже сыгравший на русской почве свою историческую роль, приземлённой прагматической мудростью англосаксонского рассудка, терпящей сегодня явное фиаско даже у себя на родине, для нас неестественно и даже абсурдно. Но где найти, откуда нам взять истинную, настоящую философию? Ведь неклассическая философия не уверена в себе и видит истину не в философии, а, например, в положительных науках о природе — как представители аналитической философии, т. е. доживающего свой век позитивизма, или в религии — как неотомизм и превозносимая у нас сейчас до небес русская религиозно-философская мысль Серебряного века, или в художественной литературе — как структурализм, или вообще ни в чём кроме своего скепсиса — как сторонники постмодерна, эти отчаянные противники всякого, в том числе и философского, пафоса. Однако ситуация, в которой оказался теперь русский дух, отнюдь не является безвыходной. Напротив, она сама несёт в себе своё разрешение. Единственный выход из филодоксии, т. е. из любви к мнениям, ныне временно затмившей в сознании многих наших соотечественников любовь к высшей мудрости, состоит в обращении к истории классической философской мысли, ибо в ней всегда находился и будет находиться источник истинной, по-настоящему современной философии. Чтобы обрести последнюю, нам необходимо понять, что история философии от Фалеса, Пифагора и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно есть тот предмет, надлежащее изучение которого в высшей школе (прежде

всего на философском, а затем и на других её факультетах) в состоянии сформировать *логический метод* мышления, способный помочь русскому народу подняться до сознательно-разумного отношения к природе, к себе самому и к другим народам, благодаря чему будут решены все стоящие перед ним проблемы. Умелое обращение к этому богатейшему источнику, без сомнения, решительно двинет вперёд отечественное народное образование, которое вследствие его модернизации ныне подошло к весьма опасному рубежу.

Модернизация российского образования, о которой те, кто осуществляет её (не взирая на недовольство и протесты педагогической общественности), говорят как о сугубо практической проблеме, есть прежде всего, если не исключительно, проблема теоретическая. Бездумно продолжать претворять в жизнь планы модернизаторов не следует, ибо пятнадцатилетний опыт модернизации показывает, что именно она, а не что-либо иное, вызывает падение качества российского образования, которое отнюдь не компенсируется ростом количественных показателей, забота о которых, похоже, становится главным делом руководителей всех образовательных учреждений. Необходимо понять, что сегодня означает начертанное на знамени модернизации слово иностранного происхождения и каковы границы его осмысленного употребления.

С точки зрения логической философии понять что-либо значит разоблачить видимость его известности, вызванную формой представления, раскрыв истинное содержание представляющегося известным. При словах «модернизация российского образования» сегодня представляется известным и в силу этого как бы бесспорным, что она есть способ преодоления его исторического отставания от образования в ведущих странах ЕС и в США. Это, как уже сказано, не соответствует действительности, что подтверждается изменением реального значения слова «модернизация» за последние двести лет.

Войдя в русский язык из французской культуры вместе с представлениями о моде и модерне, это слово в XIX в. означало просто обновление, т. е. замену старого на новое, считающееся актуальным в данный момент, хотя старое ещё исправно служит, а новое скоро тоже будет объявлено устарелым и требующим срочной замены. В конце прошлого столетия слово «модернизация» получило у нас дополнительное эмпирическое значение, связанное с представлением об историческом развитии человечества как внешнем, видимом и количественно измеримом материальном прогрессе — линейном механическом движении, основанном на научно-технических достижениях и выражающемся в повышении качества жизни людей. Тем, кто разделяет такое представление, выдвинутое зарубежными историками и социологами в середине XX в., кажется, что в историческом процессе есть страны передовые (так называемые «развитые», или «цивилизованные») и страны отсталые, населённые если не дикими и варварскими, то не поспевающими в ногу со временем народами, которые поэтому нуждаются в модернизации, т. е. в ускорении их движения по примеру народов, идущих в авангарде прогресса. Вот как, например, формулирует задачу своей работы Е. Т. Гайдар: «На основе опыта развития лидирующих стран выявить ключевые проблемы, которые в ближайшие десятилетия предстоит решать странам догоняющего развития (в том числе России), отстающим от лидеров примерно на одно-три поколения» [5, с. 11–12]. Именно эмпирическая наглядность этого представления делает его теоретически превратным и практически опасным. Оно пре-

вратно потому, что действительным двигателем всемирно-исторического процесса выступает всеобщее развитие человеческого духа, а не научно-техническое новаторство изобретателей и учёных, которое является лишь одним из условий и последствий этого развития. Вслед за христианской религией, первой заявившей об этом на весь мир, классическая немецкая философия постигла, что историческое развитие человечества есть, в сущности, духовный, а не исключительно материальный процесс, ибо последний не имеет цели в себе самом, отчего и представляется идущим в дурную бесконечность процессом относительных изменений — всё убыстряющейся, но никогда не достигающей абсолютного, вечного результата гонкой за лидером, временно оторвавшимся от преследователей.

Попытки воплотить в жизнь это весьма поверхностное представление об историческом развитии как череде не имеющих конца модернизаций к началу XXI в. привели метко названный Олдосом Хаксли *бравый новый мир* на грань катастрофы — к отнюдь не только экономическому кризису, который рассудок как стихийная форма мышления, захваченная тотальным разложением стихийного способа бытия человечества, не в состоянии ни остановить, ни взять под контроль. Кризис свидетельствует о том, что новый мир, подобно старому античному миру, исчерпал себя, кончился, хотя по видимости он ещё продолжает существовать и даже привлекать своей внешней благоустроенностью тех, кто им обездолен. Иронической эпитафией эпохи модерна является постмодерн — пронизательное сознание того, что новое как таковое уже полностью выдохлось, утратило свою новизну и тем самым сравнялось со старым. Отсюда ясно, что в наше время слово «модернизация» по своему реальному значению стало реакционным, ибо замена старого новым означает теперь ни в коем случае не развитие, а только регресс, т. е. движение в прошлое. Именно поэтому модернизация образования в России не может не вызывать его прогрессирующей деградации, которую бездушные чиновники стараются не замечать, а так называемая «наша новая школа», официально утверждённая в 2010 г. тогдашним президентом России Д. А. Медведевым в качестве государственной образовательной инициативы, на поверку оказывается школой старой и чужой, распространённой в США.

Но если модернизация образования сегодня уже не актуальна, к чему же необходимо стремиться России в важнейшем деле отвечающего на вызов времени образования духа русского и других живущих в ней народов? Проблемы выбора в этом вопросе, по счастью, нет, ибо для нас остаётся открытым только один путь: российское образование должно идти к той конечной цели, к какой изначально стремится человеческий дух в ходе истории мировой культуры. Только абсолютная духовная цель человечества открывает образованию в нашей стране его собственное, ещё нигде и никогда не бывшее будущее. В чём же оно заключается? Поскольку мировая эпоха модерна, т. е. эпоха противопоставления нового старому, настоящего — прошлому, по сути, уже пройдена человечеством, постольку будущее российского образования заключается в преодолении их абстрактной противоположности, в достижении истинного единства прошлого и настоящего, старого и нового, классического античного и современного состояний образования. Осуществление этой возможности станет действительным развитием образования в России и вместе с тем — следующим необходимым шагом в мировой истории образования человеческого духа.

Развернём этот тезис путём логического анализа всеобщей истории образования, ради краткости выделив лишь её начальный, средний и конечный этапы.

Первоначальный — античный этап всеобщей истории образования в своём классическом виде представлен формированием духа в древней Элладe. Поскольку единственной задачей образования выступает здесь воспитание человечности человека, постольку древнегреческая пайдейя ещё непосредственно соединяет в себе теоретическую основу воспитания с его эмпирией, практической реализацией (см. об этом: [6]). Этот классический идеал воспитания нашёл своё воплощение в первых философских школах, основанных Пифагором, Платоном и Аристотелем. В них, как известно, изучали не только философию, но преподавали там лишь философски подготовленные преподаватели, а философия служила основой всего процесса воспитания и венчала собой полный цикл искусств и наук, делая его настоящей *энциклопедией*, т. е. завершённой системой воспитания человеческой души, находящейся на ступени непосредственной разумности. Древний римский и складывавшийся на его обломках новый христианский мир пытались продолжить эту линию, однако непосредственное единство теории и практики, формы и содержания образования духа в процессе его религиозного воспитания всё более распадалось, что дало о себе знать в кризисах Ренессанса и Реформации.

Средний этап мировой истории образования представлен Европой Нового времени, где человек формировался уже образованием в узком смысле этого слова, т. е. формальной, рассудочной культурой духа. Историческое развитие образования на новоевропейском этапе происходило поэтому в двух противоположных и дополняющих друг друга направлениях. *Романо-германское образование* имело своей философской основой метафизику и воплощалось в ряде гуманитарных дисциплин, выступая преимущественно теоретическим образованием, или образованием ума. Цель и задачи такого образования определялись монистически, т. е. из одного сверхиндивидуального корня, которым признавался бог. *Англосаксонское образование*, напротив, опиралось на эмпиризм и воплощалось в ряде естественнонаучных и технических дисциплин, являясь преимущественно практическим образованием, или образованием навыков и умений. Цели и задачи этого образования определялись плюралистически, т. е. сугубо человеческим своеобразием и произволом заинтересованных в нём индивидов². Соперничество двух этих направлений на европейской почве в конце XX в. привело к скептицизму постмодернистских установок в образовании. Постмодерн, с порога отвергая возможность систематического формирования единого философского мировоззрения, превращает образование в бесцельную и бессодержательную игру феноменами культуры и тем завершает второй этап его всеобщей истории.

Заключительный этап всемирно-исторического процесса образования духа может быть начат в современной России. Действительная цель реформы российского образования состоит вовсе не в том, чтобы догнать в этой области ЕС и США, ибо они представляют собой, в сущности, уже прошедший этап мировой истории образования. Для того чтобы соответствовать требованиям настоящего момента истории всеобщей культуры, российское образование должно заняться восстановлением на новой основе классического идеала формирования человека в человеке. Без этого образование сегодня никак не может вновь стать настоящим, т. е. энцикло-

² Весьма посредственной копией англосаксонского оригинала стало американское образование с его количественным формализмом в оценке индивидуальных способностей, навыков и умений (имеются в виду пресловутый IQ, не менее нашумевший у нас ЕГЭ и другие виды тестирования).

педическим (систематическим) образованием. Без восхождения к своему истинному началу оно в наше время просто перестаёт быть собой, вырождаясь в обучение специалиста — в его механическую подготовку к карьере на избранном поприще, сводящуюся к произвольному набору определённой суммы кредитных единиц. «То, что мы сегодня называем культурой, есть продукт разложения, говоря по-гречески, последняя метаморфоза первоначального состояния. Это уже не столько пайдейя, сколько “подготовка к жизни”... — обширная совокупность средств, которые способствуют жизни, но остаются чисто внешними и лишены органических связей», — уже в начале 1930-х годов с горечью писал о дегенерации европейского образования хорошо знакомый с ним В. Йегер [6, т. 1, с. 16–17]. Всеобщая необходимость реформы российского образования заключается в том, что оно должно стать *новой пайдейей* — конкретным тождеством теоретического и практического образования (гуманитарных, естественнонаучных и технических дисциплин), опосредованным всей предшествующей историей мировой культуры единством воспитания и образования человека высшей пробы. Чтобы достичь этой вершины, ему требуется презойти особенные принципы современной европейской педагогики — абстрактный монизм романо-германской и абстрактный плюрализм англосаксонской форм образования. Ведь монизм без плюрализма, т. е. без самоопределения единства в многообразии, неизбежно превращается в догматизм и ортодоксию, результатом чего стал кризис образования советской эпохи. Плюрализм же без монизма, т. е. без возвращения многообразия в конкретное тождество с собой, неизбежно порождает скептицизм и нигилизм, что уже можно наблюдать на примере тех, кто подвергся экспериментам безудержного педагогического новаторства постсоветской поры.

Реформирование отечественного образования представляет собой непростую задачу, но для её решения в России имеются две важнейшие предпосылки. Во-первых, это добротная франко-немецкая традиция нашего образования, заложенная в XVIII–XIX столетиях. От неё в российском образовании — его теоретичность и повышенное внимание к гуманитарной подготовке учащихся. Как ни парадоксально, именно этими особенностями отечественного образования были обусловлены признанные мировым сообществом успехи российских учёных в фундаментальных областях математики и естествознания, а также крупные достижения нашей инженерно-технической мысли, повторения которых желают те, кто ныне безжалостно сокращает в пользу других предметов количество уроков, посвящённых изучению языков, литературы и истории в средней школе. Во-вторых, это обязательная философская подготовка студентов всех специальностей, введённая в высших учебных заведениях нашей страны в конце 1930-х годов. Конечно, следует признать, что преподавание марксистско-ленинской философии велось, как правило, догматически, однако она постоянно указывала на свой исток в классической немецкой философии, в принципе превосходящей метафизику и эмпиризм Нового времени и содержащей в снятом виде всю предшествующую историю философии. Благодаря этому обстоятельству востребованные тиражи русских переводов философской классики на порядок превышали европейские, а выпускники советских вузов имели больше шансов, чем их коллеги в Европе, быть подобными Альберту Эйнштейну и Вернеру Гейзенбергу, которые стали выдающимися физиками потому, что кроме физики усердно изучали именно классическую философию, а не так называемую «историю

и философию науки»³. Указанные особенности отечественного образования необходимо не только бережно хранить, но и всемерно развивать, соединяя их, насколько это возможно, с несомненными практическими достоинствами англосаксонского образования — с его широкой опорой на опыт, на самостоятельность субъекта образования и его личную заинтересованность в вариативности образовательного процесса.

Какова же абсолютная цель человеческого духа, осуществление которой реализует истинное понятие образования и раскрывает действительное значение всех ступеней исторического развития образования, пройденных по пути к ней? Такой целью выступает логос, или разум, т. е. логика разумного мышления, постигающего собственный смысл — понятие (истину) всего сущего, в том числе и человеческого бытия, человеческой жизни как таковой. Поскольку же логика разумного мышления формируется исключительно в ходе исторического развития философии, одним из основных предметов на всех факультетах российской высшей школы должна стать именно история философии как наука. Только это позволит настоящей философии выступить действительным началом и основанием всего процесса образования национального духа. В противном случае образование в России перестанет становиться образованием человека как такового и окончательно выродится из всеобщего государственного дела в сферу частных услуг, причём из-за его дегенерации положительные науки неминуемо прекратят становиться настоящими науками, техника — настоящей техникой, искусство — настоящим искусством, религия — настоящей религией, т. е. всем тем, что помогает человеку свободно стать и оставаться человеком, а не уничтожает эту благородную возможность и необходимость.

То, что в важнейшем деле образования духа логическая философия является законной преемницей религиозного откровения, нам только на руку, ибо она ещё в античности была названа Аристотелем *первой философией* — *высшей мудростью самой по себе и для человека*. Эта мудрость давно почитается на нашей земле, правда, пока преимущественно церковным образом, так как русская православная церковь правильно представляет её божественной мудростью, изначально соединяющей в себе истину, добро и красоту, а потому вызывающей в душах людей веру, надежду и любовь, которые побуждают их выбираться из тьмы невежества на свет знания и понимания. Первые храмы Святой Софии, Премудрости Божией, были воздвигнуты на Руси ещё в XI столетии вслед за царьградской Айя-Софией, главным собором византийского православия, и с той поры дух русского народа стал всё более сознательно стремиться к этой конечной цели всех человеческих стремлений. Но так как из-за своей бесконечной высоты божественная мудрость почти всем, за редкими исключениями, казалась непостижимой, наш исторический путь к ней не мог не оказаться мучительным и долгим. Он ещё далёк от завершения, хотя цель сегодня гораздо ближе, чем во времена Ивана Грозного или Петра Великого.

Действительная история русского, да и любого другого всемирно-исторического народа есть *феноменологический* процесс в строгом смысле этого сложного слова, имеющего сегодня довольно широкое хождение, вследствие чего его исконное философское значение затёрто почти до неузнаваемости. Направляемый *логосом феноме-*

³ Эта искусственно созданная дисциплина, к сожалению, уже вытеснила у нас философию из подготовки кандидатов наук всех специальностей.

нов, т. е. единым законом всех многообразных явлений духа, необходимый процесс образования разумного мышления медленно, но верно ведёт наш народ к познанию истины и благодаря этому — к истинной свободе. Этот трагический путь Владислав Ходасевич в стихотворении, написанном в 1917 г., назвал *путём зерна* [7, с. 95–96]:

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю чёрную оно упасть должно.
И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрёт и прорастёт.
Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она.
И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путём зерна.

Поэт перефразировал в этом стихотворении притчу о сеятеле, рассказанную Христом. Суть её кратко передают слова, сохранённые евангелистом Иоанном: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12:24). Используя определение любви к мудрости, данное Платоном в «Федоне», феноменологический процесс образования духа нашего народа можно назвать *наукой умирания*, т. е. преодоления конечности, ибо действительно бесконечная мудрость достигается духом путём умирания всего конечного, смертного в нём. Исторический путь русского народа неуклонно ведёт его к тому, что христианство культивирует как смерть самой смерти, поскольку без неё невозможны ни воскресение, ни вечная жизнь. Именно поэтому наше образование не только остро нуждается в преобразовании на основании логического результата исторического развития философии, но и во благовремени непременно станет настоящей системой, обеспечивающей достижение русским духом этой высшей цели, к которой он, преодолевая все внешние и внутренние препятствия, движется уже около тысячи лет.

Литература

1. Линьков Е. С. Становление логической философии // Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. С. 5–16.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. 799 с.
3. Муравьёв А. Н. О понятии философии и истории философии как науки // История философии: традиции и современность: сб. статей / отв. ред. Л. В. Цыпина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. С. 19–28.
4. Ivanenko A. A. J. G. Fichte's conception of the new upbringing // Russian Studies in Philosophy. 2011. Vol. 49, No 4. P. 34–40.
5. Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 2-е изд. М.: Дело, 2005. 656 с.
6. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека: в 3 т. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997–. Т. 1. 2001. 594 с.; Т. 2. 1997. 334 с.
7. Ходасевич В. Собрание стихов. М.: Центурион; Интерпракс, 1992. 448 с.

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2013 г.